

ПРОЛОГ

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

*Это не жизнь, это не казнь, это сумбур и брызги.
Раз уж ты есть, музыка сфер, не прозевай, развей,
Распредели перечень сей в реве своем и визге.
Установи, кто я такой, что я за тварь, за зверь.*

Михаил Щербаков. Сердце Ангела

Среди видных деятелей Третьего рейха имперскому министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу (1893—1946) в памяти потомков не повезло, пожалуй, больше всех. Демонический, точнее, демонизированный облик Адольфа Гитлера до сих пор будоражит воображение многих, вызывая к жизни самые экзотические теории и делая фюрера объектом культа «эзотерического гитлеризма». Импозантный и светский рейхсмаршал Герман Геринг — боевой летчик, трогательно преданный памяти покойной жены Карин и к тому же известный англофильскими симпатиями (или умело симулировавший их?), мог казаться «человеческим лицом» нацизма и даже привлекательной альтернативой «бесноватому фюреру». Скромный и бесцветный трудяга Рудольф Гесс прославился на весь мир донкихотским «прыжком» в Англию в мае 1941 года и вызывал сочувствие безнадежным, более чем полувековым сидением в берлинской тюрьме Шпандау, тем более что леденящих душу преступлений за ним не числилось. Любимый архитектор Гитлера и имперский министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер создал миф о себе как о «хорошем нацисте», изрядно запутав историков. Об Альфреде Розенберге пишут, как о философе, хотя Шпенглера из него никак не получается. Йозеф Геббельс и Генрих Гиммлер продолжают будоражить умы в качестве злодеев мирового масштаба — злые, но все же «гении» пиара и репрессий. Им посвящаются книги, написанные историками и журналистами — и разоблачителями, и неонацистами.

Они регулярно появляются в фильмах, документальных и художественных, серьезных и не очень. В общих чертах их жизнь известна широкому читателю даже на уровне «глянцевых» журналов, хотя нередко в искаженном виде.

Риббентропу ничего из этого не досталось. Бывшие подчиненные, начиная со статс-секретаря* барона Эрнста фон Вайцзеккера, ставили бывшему шефу каждое лыко в строку уже во время Нюрнбергского процесса, на что тот горько жаловался в предсмертных записях: «Если сегодня эти господа подвизаются в качестве "свидетелей" против меня, то с человеческой точки зрения это печально. Годами сотрудничая со мной, они показывали совершенно иное лицо. Но в обстановке сегодняшнего психоза возможна ведь любая смена взглядов, и при бесхарактерности многих, слишком многих людей меня это уже не удивляет. Уверен, что Обвинение при некотором нажиме сможет получить почти от каждого сотрудника Министерства иностранных дел любые показания против меня, какие только оно захочет. Констатация печальная, но верная»¹.

«Многие, слишком многие» не любили рейхсминистра и тогда, когда он был в зените славы. В министерстве на Вильгельмштрассе (название улицы, где располагалось здание МИДа, стало синонимом самого ведомства), которое даже при нацистах долго сохраняло чопорно-аристократический характер, его считали плебеем и выскочкой. Деятельность «Бюро Риббентропа» как альтернативного мозгового центра внешней политики вызывала раздражение у кадровых дипломатов, недовольных влиянием, которое оказывали на фюрера конкуренты, особо не считавшиеся с устоявшимися обычаями и традициями. Партайгеноссе, ветераны кулачных боев с коммунистами в мюнхенских пивных, видели в Риббентропе, во-первых, буржуя, во-вторых, примазавшегося (он вступил в партию только в 1932 году). К тому же «специалистов» по внешней политике среди нацистских бонз хватало и без него: на эту роль претендовали и светский лев Геринг, и пропагандист Геббельс, и глава

---

* Статс-секретарь (Staatssekretär) в Германии — самый высший ранг чиновника (министры стояли «вне чинов»), в министерстве статс-секретарь являлся заместителем министра.

Внешнеполитического управления в Имперском руководстве партии Розенберг, и шеф Заграничной организации НСДАП Вильгельм Боле и даже глава Германского трудового фронта («унифицированных» профсоюзов рейха), он же имперский организационный руководитель Роберт Лей.

Со страниц послевоенных мемуаров большинства германских и иностранных дипломатов Риббентроп предстает человеком неумным, малообразованным, самодовольным, напыщенным, порой грубым и совершенно не разбирающимся в мировой политике. На него возлагается вся ответственность за подчинение МИДа нацистскому диктату и, разумеется, за все ошибки дипломатии Третьего рейха. Совсем как в записках большинства германских генералов: все победы — благодаря их талантам, все поражения — из-за «идиота Гитлера». Риббентропа стало принято изображать в комических тонах.

Как не поверить единодушному мнению мемуаристов из числа бывших подчиненных? Кому как не им знать правду?! Однако, чем больше вчитываешься в их послевоенные сочинения, тем больше возникает вопросов. А где же вы сами были? Почему не возражали? Почему не пытались переубедить шефа, который имел склонность поддаваться чужому влиянию? Почему продолжали служить и не только не отказывались от карьеры и причитавшихся благ, но изощренно интриговали ради новых постов и наград? Понятно, что вопросы эти — риторические. Дипломаты предпочитали брюзжать в загородных особняках и аристократических клубах, плести заговоры вместе с недовольными военными и даже вступать в контакты с иностранными разведками. В одном можно согласиться и с Риббентропом, и с его обличителями — подбирать по-настоящему надежных сотрудников он так и не научился. Вовсе пренебрегать их свидетельствами нельзя (обвинят в предвзятости!), но и доверять им особенно не стоит. Поэтому в этом исследовании чаще будут цитироваться не мемуары, а документы*, порой пространно.

---

* В цитатах из документов сохранены орфография и пунктуация оригинала, поэтому одни и те же слова могут писаться по-разному: «имперское правительство» и «Имперское Правительство». Пояснения автора книги заключены в квадратные скобки с пометой «В. М.», пояснения

Возможно, в жизни рейхсминистр был не слишком приятным человеком — капризным, надменным, любившим театральные эффекты, почет и лесть. Но нас интересует другое: его внешнеполитические идеи, его конкретные действия, а также их эффективность.

По замечанию выдающегося историка М. И. Раева, случай Риббентропа «поднимает очень интересный вопрос о взаимоотношении идей и действий при тоталитарной системе. Взаимодействие в этой области не всегда однозначное. Но тоталитаризм вводит новый фактор, — а именно то, что сама система основана на Идее (вернее, конечно, на нескольких идеях, связанных между собой общей целью). Борьба между идеями (то есть между их носителями) куда сложнее борьбы между личностями или интересами. Для победы нужен "носитель" большой воли и настойчивости, человек, умеющий доказать (или показать) превосходство своей идеи для торжества той основной идеи, на которой построен тоталитарный режим. Мне представляется, что геополитический концепт "оси" Токио — Москва — Берлин такого статуса в рамках нацистской идеологии не мог иметь, а Риббентроп не имел того масштаба для его пробы. У Молотова этой проблемы не было, так как он в сути дела всегда спеялся с основной идеей системы. Само собой разумеется, что играла большую роль и разность индивидуальности самих высших вождей»*.

Действительно, лишь немногие исследователи воспринимали Риббентропа как самостоятельно мыслящего и действующего дипломата и политика, тем более геополитика. Только начиная с середины 1970-х годов Миякэ Масакити**, В. Михалка и Г. Городецкий показали, что пропаганди-

---

редакторов других изданий — в квадратные скобки без помет; купюры, сделанные мной, обозначены отточием. Все подстрочные примечания, в том числе к цитатам из документов, принадлежат автору книги.

* Письмо автору этой книги от 2 мая 2007 года.

** Все японские имена собственные в книге (в том числе в цитируемых документах) не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя, — а также, за единичными исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова).

ровавшаяся им идея союза с Японией и СССР для создания евразийского «континентального блока» не только была оригинальной (хотя предшественники, конечно, имелись), но и открыто противоречила антирусской и, до известной степени, пробританской ориентации Гитлера. Признавая изначальною слабость позиции Риббентропа — даже с учетом ее поддержки в военных и финансовых кругах Германии — в противостоянии с фюрером, авторы рассматривают его концепцию как полноценную «евразийскую» альтернативу курсу Гитлера. Отмечу, что эти работы Михалки и Миякэ почти не переводились на английский язык — «латынь» современной науки — за исключением ключевой главы монографии первого из авторов².

Всего на английском языке существуют четыре биографии Риббентропа — одна другой хуже... Две вышли еще в годы войны. Первая написана британским журналистом Дугласом Гленом, вторая — бывшим немецким консулом в Нью-Йорке Паулем Шварцем, который после увольнения из МИДа в 1933 году за еврейское происхождение стал присяжным разоблачителем нацизма (его информацией пользовались леволиберальный еженедельник *Nation* и советская разведка). Пояснять, с какой целью появились эти книги, нет необходимости — достаточно вспомнить карикатуры Кукрыниксов и Бориса Ефимова тех же лет. Шварц ссылаясь на личное знакомство с Риббентропом, но главная ценность его книги в подробной информации о предках рейхсминистра. Опус Глена (возможно, это псевдоним), ранее написавшего книгу о Лоуренсе Аравийском, любопытен прежде всего тем, что показывает беспредельность человеческой фантазии.

«В историографии внешней политики национал-социализма до сих пор недостает биографии Риббентропа», — отметил историк Г. Кох в 1985 году, когда о Третьем рейхе были написаны уже горы книг³. Следующие две биографии появились в начале 1990-х годов и были переведены на несколько языков. Реклама книги Джона Вейтца, дизайнера мужского нижнего белья, строилась на том, что родители автора, берлинские еврей-буржуа, принадлежали к тому же социальному слою, что и Риббентроп в бытность «торговцем шампанским», — значит, автор уж точно всё зна-

ет... Заглядывать в собрания дипломатических документов Вейтц не считал нужным, хотя с гордостью обнародовал найденный им новый «источник» — заявление Риббентропа с просьбой предоставить ему отпуск. Британский журналист Майкл Блок, объемистая книга которого рекламировалась как «исчерпывающая» и «образцовая», с документами ознакомился, но переврал ряд источников даже на родном ему английском языке. Стоит ли говорить, что и Вейтц, и Блок относятся к герою своих книг не просто предвзято, но с нескрываемой антипатией и стремлением дискредитировать и унижить его, поэтому научная ценность их сочинений не намного выше, чем у Глена и Шварца.

Существует еще одна книжка о Риббентропе, о которой сегодня вряд ли кто-то помнит. Написал ее в 1938 году некто Герхард фон Гюнтер (псевдоним?) для биографической серии *How They Do It* («Как они этого добились») лондонского издательства «Пеллас». Судя по рекламе, помещенной на обложке, соседи у рейхсминистра впечатляющие, хотя и разномастные — Адольф Гитлер и Махатма Ганди, Францisco Франко и Невилл Чемберлен, ирландский премьер Имон де Валера и боксер Джо Луис. От бойкого рассказа о невероятных приключениях офицера, джентльмена и секретного агента по имени Иоахим фон Риббентроп в годы Первой мировой войны и сразу после нее трудно оторваться, — беда лишь в том, что с подлинными событиями он не имеет почти ничего общего. Интересно, видел ли потешную книжку сам рейхсминистр? И если да, то какова была реакция этого не в меру серьезного человека?

В послевоенном мире сказать о Риббентропе «доброе слово» было некому. Для неонацистов он — не ставший культовой фигурой истории НСДАП, ветераном СС или героем войны — интереса не представлял. Для атлантистов он был вечным врагом. Для Советского Союза, отношения с которым Риббентроп искренне стремился улучшить, он остался одним из главных нацистских преступников, достойным, помимо осуждения, разве что иронических ремарок в псевдоисторических романах или политически ангажированных мемуарах.

Историография одной только внешней политики Третьего рейха на многих языках колоссальна по объему —

жизни не хватит просмотреть, не то что прочитать. Однако она очень неравноценна по качеству, а немалая часть вовсе не заслуживает внимания в силу фактической устарелости и идеологической ангажированности. Эта книга — биография Риббентропа, а не история внешней политики его времени, поэтому из историографии было отобрано только то, что связано непосредственно с ним. Оказалось не так уж много. Почему? С Риббентропом в восприятии большинства современников, особенно иностранцев, произошло примерно то же самое, что и с Гитлером, — обоих мерили привычной меркой, не разглядев в них политиков принципиально нового типа, которых распознали в Сталине и Молотове, но на несколько судьбоносных лет позже. Бóльшая часть германских дипломатов эпохи Риббентропа принадлежала к старой школе или вышла из нее, с ними можно было работать по старинке. С Риббентропом — нет. Он руководствовался принципами, которых не понимали ни иностранные послы и министры, ни свои министераль-директора и тайные советники, даже записавшиеся в нацистскую партию.

«Задача биографа — воссоздать цельный образ героя», — писал почти сто лет назад психолог и «биографовед» Н. А. Рыбников⁴. Стараясь следовать данному правилу, я сознаю, что охватил далеко не всё, ибо нельзя объять необъятное при таком объеме информации (и дезинформации!). Но надеюсь, что не упустил ничего принципиально важного и не исказил облик нашего персонажа. Не замахиваясь на создание полной хроники жизни Риббентропа (таковой до сих пор нет даже на его родине), я уделил основное внимание генезису и эволюции его политических идей, а также связанным с ним событиям, которые имели глобальный характер и последствия. Поэтому за пределами книги остались, например, отношения Третьего рейха с европейскими странами-сателлитами, полностью утратившими самостоятельность*, или с Соединенными Штатами Америки, важность которых рейхсминистр близоруко игнорировал.

---

* Интересующихся отсылаю к богатой фактами книге В. Л. Исраэляна и Л. Н. Кутакова «Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха» (М., 1967).

В истории жизни Риббентропа можно проследить несколько трагедий. Трагедия советника вождя, к чьему мнению не прислушиваются, но и не отпускают от себя. Трагедия талантливого, но слабовольного человека, который не может настоять на своем, но не способен отказаться от своего. Трагедия добропорядочного буржуа, связавшегося с революционерами. Трагедия чужака в сплоченной команде...

Первое издание этой книги, входящей в цикл моих исследований по истории международных отношений 1-й половины XX века, состоялось в 2008 году. Оно было хорошо принято читателями, но вызывало вопрос: как автор взялся за жизнеописание Риббентропа, не владея немецким языком? Ответ прост: тексты на английском, французском, японском и русском языках покрывают более девяноста процентов значимой информации по теме (речь об источниках, а не об историографии). Единственное заметное исключение — не переведенные на английский язык документы МИД Германии с конца 1941 года, после объявления войны США, но в этот период политическое значение внешнеполитического ведомства упало почти до нуля, сведясь к техническим контактам с союзниками, поскольку все важные вопросы решались лично Гитлером или в его ближайшем окружении. Зато использование источников только на немецком и английском языках, как в «образцовой» книге М. Блока, закрывает тему лишь процентов на семьдесят и не дает возможности качественно изучить принципиально важные в случае Риббентропа советские и японские сюжеты.

Необходимости перерабатывать книгу не возникло, но приращение научного знания за прошедшие годы позволило дополнить и местами исправить написанное.

Среди новых исторических источников отмечу полный текст дневников советского полпреда (полномочного представителя) в Великобритании И. М. Майского, иногда корректирующих его идеологически ангажированные послевоенные мемуары с карикатурным изображением Риббентропа. Впрочем, следует помнить, что дневник писался не «только для глаз» полпреда, который позже от-

правил его лично Сталину. Информации о Риббентропе в нем мало.

Среди новинок мемуарной литературы наибольшего внимания заслуживают воспоминания старшего сына рейхсминистра Рудольфа фон Риббентропа «Мой отец Иоахим фон Риббентроп». Русский перевод (не лишенный стилистических огрехов) книги ее автор, ветеран Второй мировой войны, посвятил «русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства»⁵.

За последние десятилетия появились русские переводы мемуаров германских дипломатов Эрнста фон Вайцзеккера и Густава Хильгера, рейхсканцлера Франца фон Папена, рейхсминистра Альберта Шпеера, переводчиков Пауля Шмидта и Ойгена Доллмана. Они указаны в списке литературы, однако я, как и в предыдущем издании, использовал английские переводы как более точные и в ряде случаев авторизованные.

Среди исследований особое значение для меня имели работы М. А. Девлин, знатока британской политики XX века, сочетающей глубокое знание предмета с пониманием характера и сути исторических процессов. Ее работы, включая первую на русском языке биографию «джентльмена с зонтиком» Невилла Чемберлена, скорректировали и в ряде случаев изменили мои выводы и оценки. Я особенно признателен М. А. Девлин за помощь в работе над новым изданием биографии Риббентропа, стать научным редактором которого она любезно согласилась. Я также благодарен редактору книги К.А. Залесскому за ценные советы и указания в процессе работы над рукописью.

В 2013 году увидела свет первая на немецком языке «политическая биография» Риббентропа, написанная Ш. Шайлем; в работе с ней и с другими источниками на немецком языке мне помог Р. В. Зайцев, которому я благодарен. Кроме нее новых исследований о Риббентропе почти не появилось, а в некоторых новых по времени выпусках книг повторяются давно известные факты и знакомые оценки. Зато историческое знание все чаще идеологизируется и становится предметом политических игр, а полки

магазинов заполняет псевдоисторическая литература, от пропагандистской до бульварно-халтурной, суммарно определяемая словом «трэш». Я принципиально игнорировал ее.

В настоящем издании, сравнительно с первым, сокращены разделы о германо-французских отношениях 1940—1944 годов и о французском «коллаборационизме», поскольку этой теме автор планирует посвятить отдельное исследование.

Рудольф фон Риббентроп любезно разрешил использовать в данной книге иллюстрации из немецкого издания его мемуаров и предоставил их копии, за что я ему искренне признателен.

*3 июня 2018 года
Токио*

**«ТОРГОВЕЦ ШАМПАНСКИМ»
(1893—1933)**

*...Примеряя, как для бала,
Антураж какой попало —
И грагунский, и шаманский,
И бургундский, и шампанский,
И церковно-цирковой...*

Михаил Щербаков

1

Ульрих Фридрих Вилли Иоахим Риббентроп, известный под последним из перечисленных имен, родился 30 апреля 1893 года под знаком Тельца. Местом его появления на свет стал Везель — городок на Рейне, в гарнизоне которого служил его отец Рихард Риббентроп, тридцатитрехлетний обер-лейтенант 1-го Вестфальского полка полевой артиллерии. Мать Иоахима София, урожденная Хертвиг, была дочерью богатого саксонского землевладельца¹.

Аристократическую приставку «фон» будущий рейхс-министр получил много позже, однако он действительно происходил из старинной дворянской семьи. Корни ее уходят в маленькое княжество Липпе-Детмольд, зажатое между Вестфалией и Ганновером, а первым общим предком Риббентропов, о котором сохранились достоверные сведения, оказался Генрих Майер цу Риббентруп, скончавшийся в 1547 году: «Мейер» было родовой фамилией, «цу Риббентруп» означало «из Риббентрупа» — так называлась его ферма.

«Эта крестьянская усадьба, — рассказывает Рудольф фон Риббентроп, — в первый раз была упомянута в реестре владений монастыря Херфорд в конце XII века под именем "Рикбрахтинкторпе". В старых документах также упоминается "господин де Рикбрахтинкторпе". Но генеалогических свидетельств о том, что речь идет о нашем прямом предке, у нас нет. Примерно в 1300 году крестьянские дворы, которых изначально было четыре, объединились у одного владельца под именем "Майерхоф". В XVI веке мы назывались

“Майер цу Риббентруп”. Наш дедушка Рихард неизменно обращал наше, внуков, внимание на то, что наши предки всегда были “свободными”, а не “крепостными” — в те времена частое явление... [Около 1930 года. — В. М.] отец с матерью побывали в “Риббентрупе”, прелестной, размером в 400 моргенов [земельная мера в Германии — 0,25 га] усадьбе, расположенной недалеко от Бад-Зальцфлена и до сих пор носящей это имя. Ему предложили ее купить. Речь шла о красивом неразгороженном земельном участке, находившемся, если быть точным, в Липпе [бывшем княжестве Липпе-Детмольд]. Тогдашнее решение отца не покупать это владение было, с экономической точки зрения, безусловно, правильным, так как надвигался большой мировой экономический кризис. Отцовская осторожность позволила нам неплохо пережить тяжелые годы, хотя я до сих пор очень хорошо помню, что дома мы экономии. Во время войны это владение еще раз было выставлено на продажу. Однако отец считал, что, пока идет война, он как министр не имеет права покупать землю»².

Бартольд Майер цу Риббентруп, потомок Генриха, в 1648 году представлял княжество Липпе при подписании Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну. Современная форма фамилии встречается с 1-й трети XVIII века — ее носил мировой судья Фридрих-Кристиан Риббентроп, умерший в 1735 году.

Риббентропы были военными и юристами. 6 февраля 1823 года первым в роду дворянство и почетную приставку «фон» получил Фридрих фон Риббентроп, генерал-интендант прусской армии, участвовавший в разгроме Наполеона, управлявший оккупированными территориями во Франции (там он разыскал и вернул в Берлин квадригу с Бранденбургских ворот), а затем возглавивший прусскую Высшую счетную палату. Три года спустя в дворянское достоинство был возведен его брат Эрих, прусский тайный военный советник в Люксембурге. Иоахим гордился родством, хотя не являлся их прямым потомком: портрет Фридриха фон Риббентропа в парадной форме висел в его посольском кабинете в Лондоне, несмотря на то, что тот был видным масоном, а масонов в рейхе не жаловали. Германский консул в столице Туманного Альбиона (по

совместительству агент английской разведки) Вольфганг Ганс цу Путлиц купил расположение шефа, поднеся ему медаль с портретом «предка» и с надписью *Pro Meritis de Ribbentrop* — «за заслуги Риббентропа»*. Растроганный начальник отказывался верить любой информации, компрометирующей подчиненного, пока тот под угрозой разоблачения не бежал в Англию из Голландии в середине сентября 1939 года³. Другая получившая дворянство ветвь ведет начало от генерал-лейтенанта Карла фон Риббентропа, от дочери которого Гертруды будущий рейхсминистр и получил приставку «фон».

Учитывая особые — психоаналитики сказали бы амбивалентные — отношения Иоахима фон Риббентропа с Англией, следует упомянуть о еще двух его однофамильцах или очень дальних родственниках. Религиозный писатель и философ Фридрих Риббентроп после поражения германской революции 1848 года обосновался в Лондоне, откуда уехал в Южную Африку, затем в Индию, где стал известным проповедником. Бертольд Риббентроп с 1867 года служил в Индии по лесному ведомству и дослужился до поста генерального инспектора, а выйдя в отставку, выпустил в 1900 году справочник «Лесное хозяйство Британской Индии». Несколько Риббентропов добрались до Нового Света, где трудились по инженерной части или занимались бизнесом. Однако никто из них не был ни виноторговцем, ни дипломатом.

Пять поколений прямых предков Иоахима служили в артиллерии герцогства Брауншвейгского. Прадед, Генрих Риббентроп, участвовал в подавлении революции 1848 года. Дед, Фердинанд Риббентроп, командовал батареей во время битвы при Марс-ла-Тур во время Франко-прусской войны в 1870 году, заслужив Железный крест 1-го класса. Подобно многим выходцам из небольших, но древних княжеств или графств, он не любил пруссаков, династию Гогенцоллернов и объединителя Германии Отто фон Бисмарка, противопоставляя им себя как ганноверца. Несмотря на завет «не иметь с пруссаками дела», его сын

---

* Он получил эту медаль от своего друга — бизнесмена и политика Ганса фон Раумера, племянник которого был одним из ближайших соратников Риббентропа.

Рихард боготворил и Бисмарка, и его империю. Он родился в Брауншвейге в 1859 году, в 1879-м поступил в артиллерию, а 19 мая 1891 года женился, получив хорошее приданое (в то время разрешение на брак давалось офицеру только в том случае, если он сам или его будущая супруга располагали суммой не менее чем в 90 тысяч золотых марок). В 1892 году у них родился первый сын Лотар, в 1893-м — Иоахим, а в 1896-м — дочь Ингеборг.

Везеля на Рейне будущий рейхсминистр не помнил, потому что вскоре после его рождения отец, уже в чине капитана, был переведен в Вильгельмское под Касселем на должность командира батареи. «Вильгельмское — это знаменитый кайзеровский дворец, в котором в 1870 году, после капитуляции французской армии у Седана, содержался в качестве пленника Наполеон III. Времена и нравы с тех пор изменились — сегодня победители сажают побежденные суверенные правительства не в королевский замок, а в каторжную тюрьму»⁴, — записывал бывший рейхсминистр в камере нюрнбергского Дворца юстиции. Историки и писатели на исторические темы склонны пренебрежительно отзываться о воспоминаниях Риббентропа, хотя главной мотивировкой этого является отрицательное отношение к их автору. Да, не обо всем он успел написать и не всё в мемуарах подтверждается фактами, но о многом, особенно о его детстве и юности, прочесть больше нигде. Поэтому я буду цитировать их на протяжении всей книги: рассказывая историю жизни Иоахима фон Риббентропа, нельзя лишить слова его самого.

Итак, Вильгельмское — место, в котором прошло детство.

«Дворец был виден издали благодаря статуе Геркулеса и своим всемирно известным каскадам, вода которых с большой высоты низвергалась в парковое озеро, обретая форму гигантского водопада. То было чудо природы и искусства. Впервые я увидел его во время одного визита кайзера Вильгельма II; он приезжал сюда почти каждой весной. Мои родители жили в так называемой кайзеровской гауптвахте — красном здании у въезда в замок. В дни приезда императора помещение внизу бывало занято охраной. Именно с этим и связано мое первое воспоминание. Когда

караул выстраивался под ружье для почетной встречи кайзера, мы, мальчуганы — мой брат Лотар и я, присоединялись к гренадерам и браво салютовали ему своими деревянными сабельками. Однажды, следуя мимо, император заметил нас и громко рассмеялся. С нашими мужественно-серьезными лицами мы и впрямь выглядели очень забавно. Но дежурный лейтенант воспринял это по-своему и устроил разнос своим солдатам. Не успел кайзер удалиться, как лейтенант с саблей оказался за нашей спиной, и мы едва успели спастись от его гнева поспешным бегством в густые заросли сада»⁵. Несмотря на вполне невинный и даже верноподданический характер забавы офицерских детей, Риббентроп-старший рассердился и наказал сыновей.

«Мой отец, к которому я всю жизнь питал большое почтение, был для нас тогда строгим ментором, и мы скорее боялись, нежели любили его. В воспоминаниях же о матери любовь сочетается с горечью и печалью. Она уже тогда носила в себе зародыш той болезни, от которой через несколько лет скончалась [туберкулез. — В. М.]. Мы очень любили мать. Она, как и отец, была весьма музыкальна и великолепно играла на фортепьяно. Могла часами играть для меня, а я, как зачарованный, с наслаждением слушал... В последние годы ее жизни мы, дети, знали мать только больной и видели редко, так как она боялась нас заразить»⁶. Тем не менее болезнь передалась сыновьям: Лотар Риббентроп умер в 1918 году в возрасте 26 лет, Иоахим тяжело заболел в 1912 году. Впоследствии ему пришлось удалить одну из почек.

София Риббентроп скончалась 28 февраля 1902 года вскоре после переезда семьи в Мец, куда Рихард был переведен в чине майора на должность адъютанта командира корпуса. Мец был не только одним из крупнейших гарнизонов страны, но и центром имперской земли Эльзас-Лотарингия, присоединенной к Германской империи в результате победы над Францией в 1871 году. «Эльзасцы и лотарингцы всегда недовольны той страной, к которой они в данный момент принадлежат», — любил повторять Риббентроп-старший⁷. Несмотря на повышение, «отец вдруг почувствовал себя потерявшим самостоятельное положение командира батареи и брошенным в огромный пла-

вильный тигель военной машины со всеми его преимуществами и теневыми сторонами, с его хитросплетениями и интригами... Тогда повсюду говорилось, что штаб-офицер в Меце быстро получит либо чин генерала, либо "голубой конверт", то есть отставку... Моему отцу как штаб-офицеру прочили большое будущее. При своей весьма высокой профессиональной квалификации он был яркой личностью с прямым, открытым характером. Временами он бывал резким, но сердце у него было золотое. Умный, весьма начитанный, проявлявший большой интерес к политике, искусству, он был неподкупен и обладал ярко выраженным здравым смыслом... Он был до самой смерти верен своим друзьям, а врагам без обиняков высказывал все, что о них думал»⁸.

«Он был для обоих растущих мальчишек [Лотара и Иоахима. — В. М.], — дополняет приведенную характеристику его внук Рудольф фон Риббентроп, — открытым миру, высокообразованным, непредубежденным ментором, научившим их, прежде всего, понимать текущую политику, уже тогда с позиции, критичной в отношении кайзеровской внешней политики. Роль наставника дедушка позже играл и для меня, хотя и не так интенсивно... Его главным интересом была судьба его страны. Но при этом он не был даже — как сегодня, умаляя, говорят — националистом, что в тогдашнем словоупотреблении означало соотечественника, ставящего свою родину превыше всего. Он вполне мог подвергать деятелей, традиции и институты своей страны острой критике и сравнивать их с другими странами, даже если сравнение было не в пользу собственной страны... Так сама атмосфера в доме, определенно и без всякой патетики, приучала нас, детей, к готовности все отдать за свою страну, то есть, если потребуется, также и жизнь»⁹.

В 1905 году 46-летний Рихард Риббентроп женился вторично — на 22-летней Ольге Маргарете фон Приттвиц унд Гаффрон, представительнице младшей ветви знатного и богатого прусского рода, из которого вышло немало генералов и послов. В мемуарах пасынок назвал ее «моей дорогой и заботливой мачехой», отметив ее «большой такт»¹⁰, но более на эту тему не распространялся (во время работы над воспоминаниями она была еще жива), что позволяло биографам строить догадки о их прохладных отношениях.

Честолюбие было присуще Иоахиму с детства. Он хотел быть первым, но получалось это далеко не всегда. Спорт, особенно теннис, давался ему легко, но по успеваемости в лицее он оказался лишь тридцать вторым из пятидесяти учеников (Лотар учился лучше). «Еще круче была реакция дома: я получил хорошую порцию розог... Розги — еще далеко не самое худшее. За несколько недель до сочельника я просто изнемогал от нетерпения: из намеков я понял, что мне собираются подарить скрипку. Но получить мне ее не пришлось. Отец захотел меня как следует проучить... На Пасху я все же оказался среди лучших в классе и наконец-то получил обещанную скрипку. С этого момента музыка заняла в моем сердце первое место на всю жизнь... Скрипка сопровождала меня на всем моем жизненном пути, подарив мне бесконечно прекрасные часы»¹¹. Возможно, Риббентроп вспомнил эту историю еще и потому, что в Нюрнберге его одолевали американские психоаналитики, искавшие причины и мотивы политики Третьего рейха в комплексах и «детских травмах» его лидеров.

В 1908 году Рихард Риббентроп неожиданно вышел в отставку — по собственной инициативе и не подав обычного прошения о разрешении носить мундир своего полка. «Права носить форму в отставке лишали в те времена только в случаях позорного поведения. Этим он хотел дать понять, насколько велико его недовольство. Разумеется, его отправили в отставку с правом ношения формы»¹². Сын объяснял это решение «критическим отношением» отца к внешней и «военной кадровой» политике Вильгельма II: «Порой отрицательные высказывания отца доходили до ушей берлинских властей, и для него возникла трудная ситуация»¹³. М. Блок предположил, что речь едва ли шла о «большой политике»: возможно, майор Риббентроп позволил себе сказать лишнее о ком-то из приближенных кайзера, замешанных в гомосексуальный скандал вокруг князя Филиппа фон Эйленбурга¹⁴. Так или иначе, семья покинула Мец и перебралась в городок Арозе, расположенный в Швейцарских Альпах.

«Дедушка [Рихард. — В. М.] как-то рассказал с улыбкой, — пишет Рудольф фон Риббентроп, — что в Арозе отец влюбился в потрясающе красивую англичанку, бывшую,

правда, на несколько лет старше отца, имевшего в ту пору 15 лет. Она тоже, очевидно, не осталась вовсе равнодушной к молодому человеку, так что бабушке пришлось вмешаться и "прервать историю". Отец, обозленный, поднялся в ответ совсем в одиночку на Хёрнли [гора в Швейцарии, недалеко от Цюриха], что было тогда довольно опасным предприятием»¹⁵.

Законченного образования Иоахим не получил, ограничившись школой 2-й ступени (*Obersekunda*). Отец хотел видеть сыновей военными, но оба категорически отказались (у Лотара обнаружились проблемы со здоровьем), заявив о желании жить за границей, путешествовать, а потом устроиться на службу в какую-нибудь из африканских колоний. Тягу подростков к экзотике подпитывали популярные романы Карла Мая «про индейцев», которыми в отрочестве зачитывались и Риббентропы, и Гитлер. Кроме лица в Меце, братья успели поучиться в коммерческой школе в Гренобле, так что Иоахим «в дальнейшей жизни чувствовал себя особенно сильно связанным с миром французской культуры»¹⁶. К хорошему знанию французского языка следовало прибавить хороший английский; спорт (в дополнение к верховой езде в Швейцарии они увлеклись лыжами и бобслеем) был отличным поводом для завязывания знакомств, — и вот осенью 1909 года Иоахим и Лотар оказались в Лондоне, где прожили почти год в семье врача-хирурга Уильяма Грендейджа в Южном Кенсингтоне. «Первое мое впечатление от Лондона было грандиозно: вот каков он, город великого Шекспира, город Диккенса и Шерлока Холмса... Уже в первый день своего пребывания в английской столице я вместе с братом часами ездил на крышах лондонских omnibusов из одного конца города в другой. Мы никак не могли наглядеться на снующий повсюду транспорт, на деловую жизнь этого мирового города... Здесь мы в буквальном смысле слова ощутили биение сердца всего мира. Какой опыт, какое влияние, какой огромный капитал, какое охватывающее весь мир трудолюбие требовались для того, чтобы поддерживать такую жизнь в беспрестанном движении!»¹⁷

В этих словах — учитывая время и место их написания — можно увидеть мудрость «задним числом». Од-

нако я верю в то, что Риббентроп думал так не только в 1945—1946, но и в 1909—1910 годах. Англичане смотрели на «пруссаков» хотя и с опаской, но при этом и с чувством нескрываемого превосходства. Молодая Германская империя видела в Британской империи не только главного конкурента в торговле и промышленности, но и возможного противника на поле боя. Между тем немцы сознавали, что им есть чему поучиться у англичан, которых они могли не любить, но уважали. Молодой Риббентроп, решивший стать «джентльменом» и «гражданином мира», выбрал правильную «школу жизни».

Осенью 1910 года неугомонные братья отправились в Канаду, в Монреаль навестить семью Гамильтон-Эвинг, с которой познакомились в Швейцарии: Иоахим ухаживал за их дочерью Кэтрин и даже подумывал жениться, но ее родители были против этого брака. Страна кленовых листьев понравилась им настолько, что планы относительно Африки были забыты¹⁸. Однако надо было зарабатывать на жизнь, так как причитавшуюся часть капитала матери братья могли получить только по достижении двадцатилетнего возраста. По протекции Гамильтон-Эвингов Иоахим больше года проработал клерком в банке «Мольсон». «Мне сказали, что банковское дело — это фундамент канадского бизнеса, а именно этому я и хотел научиться. Так я провел в Монреале две зимы и одно лето и познакомился со всеми сторонами жизни этого крупнейшего канадского города: его серьезной деловитостью, развлечениями, зачастую отчаянным покером, спортом, теннисом, регби, а особенно со знаменитым канадским хоккеем»¹⁹.

Молодой человек не гнушался и физическим трудом, хотя жизнь в Канаде в то время была дешевой, а золотая германская марка стоила дорого. Он работал на восстановлении рухнувшего в начале 1910 года Квебекского моста через реку Святого Лаврентия, а затем — на строительстве Национальной трансконтинентальной железной дороги между Монктоном и Виннипегом, испытал на себе «суровые условия жизни канадских первопроходцев» и увидев «во всем величии и во всей красе девственный канадский лес»²⁰.

Нелегкую, но насыщенную и интересную жизнь в Канаде прервал недуг, вынудивший Иоахима уехать в Гер-

манию на лечение (именно тогда ему удалили почку). Оправившись от болезни, он вернулся, заехав по дороге в Нью-Йорк. Там, по его словам, он работал хроникером в газете, но проверить это утверждение не удалось никому из биографов. «Эта, пожалуй, самая беспокойная на свете профессия позволила мне больше, чем все остальное, понять психологию американцев, их вечное стремление к действию, жажду новостей и сенсаций»²¹. Этим его знакомство с Соединенными Штатами и ограничилось...

По возвращении Риббентропу уже не пришлось работать на строительстве — приобретенные связи и материнское наследство позволили попробовать себя в торговле немецкими винами. Приятная внешность, хорошие манеры, свободное владение несколькими языками, музыкальные и спортивные таланты (в феврале 1914 года Иоахим участвовал в конькобежных соревнованиях в США в составе национальной сборной Канады) открывали двери в лучшие дома Оттавы, включая резиденцию генерал-губернатора. Этот пост в то время занимал герцог Артур Коннаутский и Стратернский, третий сын королевы Виктории и брат покойного Эдуарда VII, которого юные Риббентропы видели в Вильгельмское вместе с его племянником — Вильгельмом II. Герцог говорил по-английски с немецким акцентом, а его жена принцесса Луиза Маргарита Прусская и вовсе предпочитала родной язык, которым владел весь ее оттавский двор. Обходительный юноша легко нашел с ними общий язык во всех смыслах слова. Званые вечера, концерты, любительские спектакли, маскарады, вист...

«Мне было в этой стране безгранично хорошо», — пишет Риббентроп через тридцать с лишним лет²².

2

Идиллию оборвало начало войны в Европе.

«Меня словно магнитом тянуло на родину... Друзья убеждали, что "калеку" с одной почкой на военную службу все равно не возьмут. Но у меня было такое чувство, что предстоящая война будет тяжелой и моей стране потребуются каждый мужчина»²³.

Лотар был настолько серьезно болен, что уехать не смог; его интернировали, но вскоре поместили в тубер-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru